

УДК 94 (517)

*Батунаев Э.В.
Batunaev E.V.***Монголия в борьбе за независимость:
от Халхин-Гола до Ялты (1939–1945 гг.)****Mongolia in the struggle for independence:
from Khalkhin-Gol to Yalta (1939–1945)**

Статья посвящена борьбе за независимость и становлению монгольской государственности в период обострения международной ситуации в Азии в связи с началом Второй мировой войны. В контексте агрессивной политики и милитаристских планов Японии на Дальнем Востоке и в Азии единственным гарантом безопасности Монголии стал СССР, который, согласно договору о взаимопомощи 1936 г., оказал военную, экономическую и дипломатическую помощь. Сражение на Халхин-Голе 1939 г. стало кульминацией противостояния на восточноазиатском пространстве, в ходе которого советско-монгольским войскам удалось отразить нападение Японии. На Ялтинской конференции 1945 г., благодаря решительной и последовательной позиции СССР, был окончательно решён вопрос о суверенитете Монголии.

Ключевые слова: СССР, Монголия, Япония, «статус-кво», сражение на Халхин-Голе, Коминтерн, суверенитет, советско-монгольские отношения

The article is devoted to the struggle for independence and the formation of Mongolian statehood in the period of aggravation of the international situation in Asia and the beginning of the Second World War. In connection with Japan's aggressive policy and militaristic plans in the Far East and Asia, the only guarantor of Mongolia's security was the USSR, which, according to the mutual assistance agreement of 1936, provided military, economic and diplomatic assistance. The Battle of Khalkhin-Gol in 1939 was the culmination of a confrontation in the East Asian space, during which the Soviet-Mongolian forces managed to repel the attack of Japan. At the Yalta Conference of 1945, thanks to the resolute and consistent position of the USSR, the question of the sovereignty of Mongolia was finally resolved.

Key words: USSR, Mongolia, Japan, "status quo", battle at Khalkhin-Gol, Comintern, sovereignty, soviet-mongolian relations.

В силу своего территориального положения Монголия оказалась в центре международных и геополитических интересов великих мировых держав и, прежде всего, своих соседей, России и Китая. Совокупность проблем и противоречий политического, экономического и военного характера, связанных с провозглашением и созданием в первой половине XX в. независимой Монголии, обусловила появление «монгольского вопроса», суть которого заключалась в определении международно-правового статуса монгольского государства и его границ. Как известно, решение данного вопроса в тех исторических условиях зависело, в пер-

вую очередь, от могущественных соседей – России и Китая, а также, в определённой степени, затрагивало интересы и других великих держав – Японии, США, Англии, Франции, Германии, не желавших нарушения баланса сил, сложившегося в регионах Центральной Азии и Дальнего Востока. Поэтому, безусловно, эти государства в своём большинстве поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения Богдо-гэгэна и его правительства установить дипломатические и торговые отношения.

На внешнюю политику МНР оказывал также влияние японский фактор, особенно проявившийся в 1930-е гг. в связи с обострением японо-китайских отношений, агрессией против Китая, захватом Маньчжурии и образованием на её территории марионеточного государства Маньчжоу-Го. Осуществив мощную модернизацию всех экономических и политических структур, Япония к концу XIX в. превратилась в крупного регионального игрока, способного влиять на международную политику на Дальнем Востоке. Обоснованием экспансии и агрессивной политики Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе послужила идеология паназиатизма. Согласно данной идеологии японские военные круги видели свою главную цель в создании «Великой Восточной Азии», где ведущую роль играла бы Япония. Их захватнические планы были разработаны в меморандуме известного японского генерала Танака Гиити, содержащем подробную программу военно-политической экспансии Японии в Азии и, в частности, в отношении МНР. В японских правительственных кругах понимали, что прямой захват Монголии вызовет не только отрицательную реакцию Москвы, но и волну японофобии в Китае и в мире. Поэтому идею создания «автономного буфера» из МНР, Внутренней Монголии и части Маньчжурии, Токио рассматривал как перспективную цель, реализация которой будет преподнесена мировой общественности как инициатива самих монгольских князей и лам [4, с. 134].

В начале 20–30 х гг. XX в. СССР и Коминтерн расценивали Монголию в качестве удобного коридора для распространения революционных идей на Восток, прежде всего, в Китай. Монголия во внешней политике в 1930–1940-е гг. придерживалась курса на сближение с СССР, связывая с ним гарантию своей государственной независимости. Тем не менее, монгольское руководство не признало подписанное в Пекине 31 мая 1924 г. советско-китайское Соглашение об общих принципах по урегулированию вопросов между СССР и Китайской республикой, трактовавшее Внешнюю Монголию как часть Китая (ст. 5). В то же время Монголия проводила свою собственную политику по объединению всех монгольских территорий: Внутренней Монголии, Барги, Тувы в одно единое государство.

В связи с агрессивными планами Японии в советской внешней политике был взят курс на укрепление обороноспособности страны, где монгольское направление играло важную роль. В сложившихся условиях для Монголии наиболее реалистичной линией и в плане сохранения государственности, и в плане поддержания национальной безопасности был курс на дальнейшее военно-экономическое сближение с СССР [7, с. 172]. Таким образом, заключительный период формирования оси «Москва – Улан-Батор» пришёлся на середину 30-х гг. XX в. 27 ноября 1934 г. стороны договорились о заключении джентльменского (устного) соглашения, предусматривающего в случае нападения на одну из договаривающихся сторон поддержку и оказание помощи, в том числе военной.

Военно-дипломатическая обстановка накануне Халхин-Гола складывалась под влиянием двух следующих обстоятельств. Во-первых, Япония стремилась получить в лице МНР выгодный плацдарм на гра-

ницах с Советским Союзом в рамках реализации японской стратегии создания «конфедерация азиатских народов» под руководством Японии. Во-вторых, требовала разрешения сама пограничная проблема. Из-за неопределённости границ и спорных зон между Маньчжоу-Го и Монголией происходили постоянные провокации и приграничные вооружённые столкновения. Следует отметить, что эти территории издавна были контактной зоной многочисленных кочевых племён, поэтому границы носили условный характер. В связи с участвовавшими вооружёнными конфликтами и стычками между монголами и маньчжурами было решено провести двусторонние переговоры. В Советском Союзе внимательно следили за ходом конференции и с самого начала получали всю связанную с ней информацию.

Монголо-маньчжурские конференции, проходившие в период с 1935–1937 гг. по урегулированию конфликта на приграничной территории не дали никаких результатов из-за неспособности сторон и, прежде всего, стоявшими за ними СССР и Японии найти компромисс по ряду ключевых вопросов. Условия пограничного разграничения и требования, выдвинутые японской стороной, были настолько неприемлемы для советской стороны, что привели, в конце концов, к срыву дипломатических переговоров. С подписанием антикоминтерновского пакта 1936 г., направленного против СССР, угроза со стороны Японии значительно возросла. Одна из антикоминтерновских целей состояла в том, чтобы ослабить советское влияние во Внешней Монголии и Китае. В этих условиях в 1936 г. был подписан протокол о взаимопомощи между СССР и Монголией. В статье I указывалось: «В случае угрозы нападения на территорию Союза Советских Социалистических Республик или Монгольской Народной Республики со стороны третьего государства, Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территории» [10, с. 53].

Таким образом, по советско-монгольскому протоколу о взаимопомощи СССР выступал в качестве гаранта безопасности и верного союзника Монголии. В связи с заключением протокола о взаимной помощи между МНР и СССР правительство Китая обратилась к правительству СССР с протестом, заявив, что, поскольку Внешняя Монголия является неотъемлемой частью Китайской Республики, ни одно иностранное государство не должно заключать с ней какое-либо соглашение. Советское правительство, в свою очередь, считало, что не нарушает суверенные права Китая в отношении Монголии, поскольку договор носит сугубо оборонительный характер. С одной стороны, Китай не мог оказать какое-либо существенное давление на СССР в виду того, что находился в сложных внешнеполитических условиях из-за оккупации Японией, а, с другой, китайская народная армия получала значительную военную помощь со стороны СССР. К середине февраля 1939 года в Китае находилось 3665 советских советников, инструкторов, военных лётчиков и техников. Летом того же года туда прибыло более 400 лётчиков-добровольцев и авиатехников. Угроза широкой агрессии против МНР резко возросла с началом 1939 г. Только за первые три месяца подразделения Квантунской армии совершили более 30 нарушений восточной границы республики.

Одной из высших точек восточноазиатского противостояния стал конфликт на р. Халхин-Гол. В российской и зарубежной историографии в разные годы давались самые различные характеристики военных событий на Халхин-Голе: «пограничный конфликт», «военный конфликт», «военный инцидент», «военные действия», «боевые действия», «необъявленная война», «война на Халхин-Голе», «Номонханский конфликт» [5,

с. 47]. Долгое время халхин-гольские события оставались в тени основных сражений Великой Отечественной войны. Несмотря на локальный характер, сражение на Халхин-Голе вылилось в масштабную пробу сил, проверку боеспособности Квантунской и Красной армии, чему стороны придавали не только военное, но и большое политическое значение, демонстрируя мощь своих вооружённых сил перед потенциальными союзниками в преддверии мировой войны. В большей степени победа советско-монгольских войск на р. Халхин-Гол в 1939 г. повлияла на решение японского командования повернуть агрессию на юг, в район Тихого океана. Следует отметить, что в японской и американской историографии события на р. Халхин-Гол принято называть локальным инцидентом у г. Номон-Хан, одной из местностей в районе маньчжуро-монгольской границы. Японские учёные в своих исследованиях возлагают одинаковую ответственность как на СССР, так и на Квантунскую армию за возникновение войны на Халхин-Голе.

Вместе с тем, боевые действия с масштабным применением бронетехники и авиации завершились поражением группировки японских войск, и если события на озере Хасан в 1938 г. воспринимались военно-политическим руководством Японии как незначительный приграничный инцидент, то конфликт на реке Халхин-Гол однозначно продемонстрировал слабость Японской армии в случае широкомасштабного вооружённого конфликта с хорошо подготовленным и вооружённым противником. Потери японцев составили около 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 660 самолётов и значительного количества другой боевой техники и военного имущества. Потери советско-монгольской стороны – более 18,5 тыс. ранеными и убитыми, причём усилиями врачей возвращены в строй 76 процентов раненых [3, с. 219]. По мнению Л.В. Кураса, «... подавляющая часть современных учёных России и Монголии рассматривают вооружённый конфликт у р. Халхин-Гол не только как конфликт, в основе которого лежали многолетние серьёзные противоречия между Россией и Японией на Дальнем Востоке, а, прежде всего, как предтечу Второй мировой войны...» [6, с. 146]. Что, на наш взгляд, абсолютно верно, судя из дальнейших агрессивных действий Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На Халхин-Голе в полном масштабе проявился полководческий талант Г. К. Жукова, использовавшего в ходе боевых действий тактические и стратегические новации. Из воспоминаний Г. К. Жукова: «... всё говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо дать в ближайшее время действий более широко масштаба...» [9, с. 165].

Таким образом, конфликт на р. Халхин-Гол стал высшей точкой военного противостояния в Азии, и показал союзнический долг и верность СССР в отстаивании независимости Монголии. Победа на Халхин-Голе в очередной раз подтвердила прочность советско-монгольского военно-политического союза и эффективность его стратегии национальной безопасности на Дальнем Востоке. Поражение при Халхин-Голе привело к тяжёлому геополитическому откату Японии и отставке кабинета Хираумы Киитиро.

23 августа 1939 г. был подписан «пакт о ненападении» между СССР и Германией, который произвёл в Японии эффект разорвавшейся бомбы. В этих условиях Япония была вынуждена пойти на пересмотр отношений с СССР. 13 апреля 1941 г. между Советским Союзом и Японией был заключён договор о нейтралитете.

На протяжении всей Второй мировой войны Монголия оказывала братскую помощь СССР. 22 июня 1941 г. на совместном заседании Президиума ЦК МНРП, Малого Хурала и Совета Министров МНР было

резко осуждено нападение Германии на Советский Союз. Согласно протоколу от 1936 г. о взаимной помощи, президиум совместного заседания обратился к монгольскому народу с просьбой оказать посильную помощь советскому народу. В конце декабря 1942 г. возглавлявший делегацию МНР маршал Х. Чойболсан передал фронту дар из четырёх эшелонов. Затем правительство МНР перечислило Советскому Союзу 2,5 млн. тугриков, 300 кг чистого золота, 100 тыс. долл. США. На эти средства, в частности, было построено 53 танка, из них 32 танка Т-34, на бортах которых стояли имена Сухэ-Батора и других героев Монгольской Народной Республики. Многие из этих танков успешно сражались с немецкими войсками и дошли до самого Берлина в составе 112-й танковой бригады 1-й гвардейской танковой армии. Кроме танков, советским Военно-Воздушным Силам была передана авиационная эскадрилья «Монгольский арат». Она вошла в состав 2-го Оршанского гвардейского авиационного полка. Эскадрилья «Монгольский арат» совершала победный боевой путь на протяжении всей войны. В течение всей войны из Монголии было поставлено более 500 тыс. лошадей [7, с. 214].

Ключевые события в международных отношениях МНР в годы Второй мировой войны были сопряжены с процессом правового оформления монгольской государственности и завершением длительного периода борьбы монгольского народа за международное признание, продолжавшейся фактически с 1911 г. Перелом наступил в 1940-е гг. и был связан, прежде всего, с поддержкой и дипломатической деятельностью СССР на международной арене. 8 февраля 1945 г. в ходе начавшейся Ялтинской конференции великих держав И.В. Сталин на одной из встреч спросил у Ф. Рузвельта, что тот думает о сохранении «статус-кво» во Внешней Монголии. Рузвельт ответил, что ещё не говорил с Чан Кайши, но думает, «что статус-кво во Внешней Монголии должен быть сохранён» [7, с. 214].

11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления в войну с Японией, первым из которых было сохранение «статус-кво» Внешней Монголии (МНР). В период заключения ялтинских договорённостей 30 июня 1945 г. в Москву прибывает китайская правительственная делегация во главе с премьер-министром Сун Цзывэнем. Монгольский вопрос стал на переговорах одним из центральных. Однако все попытки поставить вопрос о включении МНР в состав Китая были пресечены заявлением И. В. Сталина о том, что «в случае, если не будет обсуждаться декларация о независимости Внешней Монголии, то мы не будем обсуждать и другие вопросы. Тогда давайте прервём переговоры» [8, с. 85].

Тем самым советское руководство одновременно дало понять китайским представителям, что СССР не вступит в войну против Японии без признания Китаем независимости МНР. А Пекин был крайне заинтересован, чтобы СССР вступил в войну и освободил Маньчжурию и некоторые другие территории Китая от японской оккупации. В тех условиях Китай по объективным причинам не мог в ближайшее время самостоятельно освободить свои территории. В итоге китайская сторона вынуждена была отступить, и переговоры сдвинулись с мёртвой точки. 14 августа 1945 года состоялся обмен нотами между внешнеполитическими ведомствами Китая и СССР о признании независимости Монголии [1, с. 49]. Параллельно советско-китайским переговорам по инициативе советского правительства состоялся визит в Москву Председателя Народного Совета министров МНР Х. Чойболсана, где состоялась встреча со Сталиным. Основным вопросом, обсуждавшимся в ходе беседы, – советско-китайские переговоры и вступление в войну с Японией. Х. Чойболсану были зачитаны совместный проект декларации СССР и Китая о признании МНР независимым государством и другие документы. Выслушав

проект, Х. Чойболсан сказал: «...да, это то, что мы хотим, но дружбы и дружественного сотрудничества с китайцами у нас не будет. Это очень плохой народ... Они продолжают притеснять монгол во Внутренней Монголии, Алашане, Ордосе. Я хорошо понял смысл декларации. Мы, как независимое государство, предъявим свой счёт китайцам. Мы расскажем всему миру, как они издевались над нами, как они продолжают издеваться над монголами, которые остались у них...» [7, с. 215]. Следует отметить, что Х. Чойболсан до последнего момента надеялся, что И. В. Сталин окажет помощь в объединении «двух Монголий» в одно единое Монгольское государство. Но, видимо, в планы Сталина не входило такое представление о единой Монголии. С другой стороны, СССР не хотел портить отношения с Китаем из-за Монголии, так как после победы коммунистов во главе с Мао Цзэдуном в дальнейшем рассчитывал на сотрудничество в рамках единого социалистического лагеря.

В ходе состоявшегося 20 октября 1945 г. всенародного плебисцита по вопросу государственной независимости 100% населения Монголии проголосовало за суверенитет. Казалось бы, на этом закончилась более чем двадцатилетняя борьба за оформление государственного отделения Монголии, хотя в официальных кругах и среди китайской общечественности ещё долго муссировался вопрос о Монголии, якобы отторгнутой путём тайного сговора держав в Ялте за спиной Китая или путём выхода за рамки Ялтинского Соглашения [2, с. 119]. В последний раз попытку пересмотреть итоги Ялтинского соглашения в свою пользу в отношении Монголии предприняла китайская делегация в 1949 г. во главе с председателем КПК Мао Цзэдуном, которая в течение двух месяцев находилась в Москве. Одним из проблемных вопросов, поднятых на переговорах, был статус Монголии. Китайская сторона подчёркивала, что речь идёт о Внешней Монголии. Мао Цзэдун продолжал настаивать на объединении Внешней и Внутренней Монголии и образовании единой монгольской автономии в составе КНР [11, с. 69]. Но все попытки китайской стороны относительно объединения Внешней и Внутренней Монголии на правах автономии в составе КНР были отклонены. Таким образом, Монголия прошла сложный и долгий путь борьбы за государственную независимость, занявший практически четверть века, в которой СССР сыграл решающую роль. Сражение на Халхин-Голе показало эффективность советско-монгольского военно-политического союза и верность союзническому долгу. В дальнейшем, именно благодаря последовательной и принципиальной позиции СССР на Ялтинской конференции 1945 г., удалось отстоять государственную независимость Монголии.

Литература

1. Белов Е.А. Решающий период борьбы за независимость // Азия и Африка. 2003. № 11. С. 45–49.
2. Гарушянц Ю.М. Борьба за признание независимости Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 112–123.
3. История Великой отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В шести томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1960. 219 с.
4. История Монголии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.
5. Кузьмин Ю.В. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май-сентябрь) – начало

Второй мировой войны: новая историческая версия // Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции: материалы международной научной конференции (23 мая 2014 г.). Иркутск, 2014. С. 45–65.

6. Курас Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) // Власть. 2014. № 9. С. 143–147.

7. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 268 с.

8. Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 85–90.

9. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1973.

10. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы. Т. 2. Ч. 1. М., 1979.

11. Цыбенков Б.Д. Монголия: от статус-кво до юридического признания // Известия Восточного Института. 2015. № 3(27). С. 64–72.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belov E.A. Reshayushhij period bor'by za nezavisimost' // Aziya i Afrika. 2003. № 11. S. 45–49.

2. Garushyants YU.M. Bor'ba za priznanie nezavisimosti Mongolii // Problemy Dal'nego Vostoka. 1997. № 2. S. 112–123.

3. Istoriya Velikoj otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945. V shesti tomakh. T. 1. M.: Voenizdat, 1960. 219 s.

4. Istoriya Mongolii. XX vek. M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2007. 448 s.

5. Kuz'min YU.V. Vojna na KHalkhin-Gole 1939 g. (maj-sentyabr') – nachalo Vtoroj mirovoj vojny: novaya istoricheskaya versiya // KHalkhin-Gol 1939 g. v mirovoj istorii i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: istoriya, istoriografiya, kontseptsii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (23 maya 2014 g.). Irkutsk, 2014. S. 45–65.

6. Kuras L.V. YAponskaya voennaya missiya v Man'chzhou-Go: podgotovka k agressii (k 75-letiyu sobytij na KHalkhin-Gole) // Vlast'. 2014. № 9. S. 143–147.

7. Luzyanin S.G. Rossiya – Mongoliya – Kitaj v pervoj polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2000. 268 s.

8. Lkhagva T. CHto zhe dumal Stalin o mongolakh? // Problemy Dal'nego Vostoka. 1991. № 3. S. 85–90.

9. Marshal Sovetskogo Soyuza G.K. ZHukov. Vospominaniya i razmyshleniya. T. 1. M., 1973.

10. Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921–1974. Dokumenty. T. 2. CH. 1. M., 1979.

11. TSybenov B.D. Mongoliya: ot status-kvo do yuridicheskogo priznaniya // Izvestiya Vostochnogo Instituta. 2015. № 3(27). S. 64–72.